

Чечерина Ольга Борисовна,
редактор,
отдел методической работы
в сфере социального обслуживания семей и детей,
Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение
«Городской информационно-методический центр «Семья»,
Санкт-Петербург

Знак надежды Жана Ванье

О философе, гуманистическом деятеле Жане Ванье можно было начать говорить словами Евангельского текста: *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» [Ин. 15:13].*

Он родился в 1928 году в Женеве в семье известного дипломата, и вот уже более чем полвека живёт в деревне под Парижем вместе с умственно отсталыми людьми.

Его отец, – Жорж-Филеас Ванье, был генерал-губернатором Канады, мама – Полин (Арше) Ванье – занималась благотворительной деятельностью в Красном Кресте.

Жан никогда не боялся начинать всё с начала, с чистого листа, переворачивая страницу в тот момент, когда жизненный сюжет находился в фазе кульминации. Он искал и находил самое главное – свой путь, своё место в жизни. Тринадцатилетним подростком переехал из Канады в Англию. Это было трудное решение, прежде всего для его родителей.

Шла Вторая мировая война. Жан задумал вернуться в страну, из которой лишь несколькими годами ранее семья уезжала от военных действий.

В 1939 году генерал-майор Жорж-Филеас Ванье был назначен канадским министром во Франции, но нацистское вторжение заставило прервать дипломатическую миссию. Семья переехала сначала в Англию, а затем в Канаду. Когда Жан рассказал отцу о своём желании поступить в военно-морское училище в Англии, между ними состоялся непростой разговор, однако в итоге было принято решение, оказавшее безусловное влияние на становление характера Жана. По его словам, доверие, оказанное отцом, очень помогло ему в жизни: *«Мой папа доверял мне даже тогда, когда я попросил у него почти безумную вещь – переехать в другую страну и поступить в военно-морское училище в 1941 году, когда шла война, но отец позволил мне сделать это. Его доверие помогло мне самому себе доверять».*

Жан Ванье стал морским офицером, но спустя восемь лет подал в отставку. И это был ещё один резкий разворот жизненного пути. Он стал изучать богословие, защитил докторскую диссертацию по философии, а затем начал преподавать в одном из университетов Канады. Но он не останавливался и продолжал искать свой путь и своё место.

В итоге вернулся во Францию и встретил священника Тома Филиппа, который был капелланом в центре для людей с умственной отсталостью. С тех пор Жан стал ездить по разным лечебницам, где в нечеловеческих условиях содержались умственно отсталые инвалиды. Отец Тома тогда сказал ему: «Если ты хочешь понять человеческую личность, тебе надо познакомиться с отверженными людьми».

Из истории вопроса

Великолепное сооружение в центре Парижа, одна из основных достопримечательностей столицы Франции – Дом Инвалидов. В 1670 году королём Франции Людовиком XIV был издан указ о начале строительства Государственного Дома для призрения ветеранов армии, потерявших на войне способность содержать себя самостоятельно. Цель была в высшей степени высокой и гуманной – сытая и тёплая жизнь для тех, кто пострадал на войне за своё Отечество. Изначально сооружение было рассчитано на приём 1500 постояльцев, но спустя полвека там проживало уже более 4000 военных пенсионеров. Размеры сооружения и прилегающих площадей огромны. Сюда стремились многие бывшие военнослужащие – армейские инвалиды. Однако так же активно они покидали эти великолепные стены, не справившись с военно-монастырской дисциплиной, положенной в основу внутреннего распорядка Дома: приём пищи по расписанию, за столами на 50 человек, в комнатах есть не разрешалось, женщинам запрещалось посещать Дом Инвалидов. За нарушения существовала система наказаний, вплоть до отчисления из дома. Постепенно Дом Инвалидов приобрёл статус музейного комплекса,

но и сегодня там проживает некоторое количество ветеранов Второй мировой войны и Сопротивления.

Это самый престижный дом для инвалидов, из существовавших в своё время в Европе. Совсем иная атмосфера была в типичных больницах для инвалидов, не имевших заслуг перед государством. Огромные учреждения, где пациенты находились в отчаянном положении – никому не нужные, всеми брошенные люди.

Публикации о Жане Ванье часто начинаются с рассказа о том, как блестящий морской офицер, философ, педагог оставил всё и уехал в маленькую деревушку недалеко от Парижа, где и поселился с двумя умственно отсталыми людьми – Рафаэлем и Филиппом. Здесь зародилась первая община «Ковчег». Отсюда впоследствии такие общины распространились по разным странам.

Это очередной разворот в судьбе Жана Ванье, но об этом можно почитать в разных источниках. Я долго сомневалась, писать ли очередную статью о человеке, которого любят и знают многие. Потом решила – буду писать о том, что трогает меня в общении с Жаном Ванье, о том, что лично для меня стало открытием. Известно, что слушая или читая одни и те же тексты, мы воспринимаем их сугубо индивидуально, исходя из своих чувств, знаний и опыта. Кроме того, в разные моменты времени мы по-разному откликаемся на одни и те же сюжеты. Я буду приводить рассказы о людях и событиях, которые отозвались и представляются особенно значимыми для меня – человека, лично заинтересованного в том, чтобы община «Ковчег» была доступна для наших, российских людей. Из подробных

записей бесед и лекций Жана Ванье придётся выделять отдельные фрагменты, безусловно, в ущерб многому, но надеюсь, не главному.

«Ковчег» – это не просто место комфортного проживания для людей с умственной отсталостью, это, прежде всего, место принятия, дружбы и любви, место встречи с важным и значимым Другим, а ещё – с собой настоящим.

Из истории вопроса

В 1963 году Жан Ванье купил дом в деревне Троли-Брей (Франция) и поселился в нём вместе с двумя умственно отсталыми людьми – Рафаэлем и Филиппом. Со временем к ним стали приезжать люди, одни – на время, другие – навсегда. Постепенно людей и домов становилось всё больше, подобные общины-поселения стали появляться в разных городах и странах. Сегодня по миру их насчитывается более 130. В общинах «Ковчега» здоровые люди, ассистенты живут вместе с умственно отсталыми людьми.

Деревня Троли, находящаяся к северу от Парижа, – это добротный коттеджный посёлок – чистенький, уютный и довольно большой. Я-то думала, что поселение, в котором располагается «Ковчег», должно представлять собой закрытое специально выделенное место, где широкой души люди неотступно находятся вместе с теми, кто самостоятельно жить не способен, и всё это обязательно за забором. Такой мысленный образ возникал в моей голове до той самой, потрясшей мое воображение, поездки.

В поселке есть всё, что необходимо для постоянно проживающих в нем жителей, которые в большинстве своем, видимо, работают в близлежащих населенных пунктах. По воскресеньям отдыхают, из дома без необходимости не выходят. Тишина удивительная. И ничего похожего на «гетто». Дома, принадлежащие «Ковчегу», стоят на разных улицах и ничем не выделяются среди прочих. Вблизи от капеллы и административного корпуса – мастерские, в которых работают люди с ментальной инвалидностью. Рядом магазин, где можно приобрести изготовленную ими продукцию, в основном сувениры, свечи и мыло, всё очень красивое и добротное. Если пересечь несколько улиц и миновать крохотную центральную площадь, выйдешь к небольшим сельскохозяйственным угодьям, также принадлежащим «Ковчегу». Рядом магазинчик с собственной продукцией.

Несколько дней мы были участниками международного ретрита (retreat – буквально отступление, в ином значении – уединение для внутренней работы). Удаление от внешнего привычного мира с целью посвятить все время работе над собой. В проводимых общиной «Ковчег» ретритах (именно здесь, в Троли) принимает участие Жан Ванье, он говорит «Слово», во многом это определяет основной настрой, задает вектор размышлениям. Одно из условий – пребывание в молчании, дающее возможность осмысления получаемого опыта. Нам – русским женщинам – было это почти не под силу. Мало кто из нас имел ранее подобный опыт. Вернувшись вечером в свою комнату, мы неудержимо хотели поделиться впечатлениями.

Слово Жана Ванье¹

О простом и главном

Я живу с людьми хрупкими, слабыми, тревожными, и счастлив этим. Эти люди были унижены. Передо мной часто встает этот вопрос унижения. У них есть сердце, они хотят, чтобы их любили, узнавали, утешали.

Мы являемся членами общества, одержимого нормальностью, маниакально культивируем успех. Все родители особых детей задают вопрос: «Почему мой ребенок родился таким?». Что можно ответить? Во Франции 96% родителей отвергают ребенка с трисомией (синдром Дауна) и избавляются от нежелательной беременности. Но живя рядом с людьми, имеющими ментальные нарушения, мы гармонизируем собственную слабость. Мы потеряли истинный смысл, забыли, что такое быть просто человеком. Здесь мы собираемся, чтобы пожить мирно, по-человечески.

¹Перевод с французского на русский язык: д. филос. н. Михайлова М. В., к. ф. н. Гуревич О. А.,

Мера ответственности

Я не думал бороться с системой или создавать другую. Мне хотелось принять несколько человек и заботиться о них. Нам кажется, что лучше сделать много добра для многих, чем выстраивать глубокие отношения с одним человеком.

Сейчас так много одиноких и униженных людей. Встретить человека и вступить с ним в глубокие отношения – это очень важно.

Я встретил человека, который хочет открыть маленький дом на 5 человек с болезнью Альцгеймера. Сейчас все хотят открывать большие заведения – это легче и выгоднее, экономически рентабельнее. Людям хотелось бы строить огромные учреждения, а вместо этого – маленькие дома на 5-6 человек. Это не значит, что большие общины не нужны, но мы идем по второму (другому) пути. В Индии почти полтора миллиарда людей, а у нас там 5 маленьких общин. Речь идет не о том, чтобы сделать много добра для многих, а лишь о том, чтобы жить рядом с Другим. «Ковчег» – это не решение, а знак.

В «Ковчеге» нужно сопровождать тех, кто умирает: и инвалидов, и ассистентов, и родителей инвалидов. Важно взять за руку и быть до конца, помогая человеку обрести смелость, преодолевать страдание внутри себя.

Есть вещи противоречивые: Бог согласился стать маленьким, стать ребенком, согласился на умаление. Весь смысл «Ковчеха» – это встреча с человеком хрупким, маленьким.

Мы думаем так: дружба – это мило, но не слишком значительно. Конечно, если можно сделать что-то для страдающего человека, мы делаем, но быть рядом со страдающим непросто. У нас были люди в глубокой старости, которых привозили, сообщая, что они скоро умрут, но они живут до сих пор благодаря тому, что рядом с ними кто-то присутствует. Это тайна присутствия.

Присутствовать рядом с тем, кто страдает, просто быть тут. Не для того чтобы что-то сделать, а чтобы быть рядом. Есть два способа сострадания:

1) *Сострадание компетентности. Например, если человек испытывает зубную боль, не надо сидеть с ним, а надо отвести к зубному врачу.*

2) *А есть страдание, в котором надо просто быть: «Я с тобой, и я присутствую!»*

Как много людей страдает, и все они нуждаются в утешении. Это не конфеты, это взгляд на Другого, полный нежности, который открывает Другому, что он важен и прекрасен. Ты не должен доказывать мне, что ты что-то представляешь из себя, ты уже

личность. Другой – это человек, какие бы у него ни были нарушения. Общение не с высоты одного и не из бездны другого.

Утешать – это не значит, говорить: «успокойся». Утешить – значит давать понимание, что ты любим и нужен. Иисус не сказал: «Совершайте великое!» Он сказал: «Любите друг друга!»

Стать другими

В доме для людей с тяжелой инвалидностью мы приняли семнадцатилетнего человека, он был слепой, глухой, не ходил. У него была огромная тревога. Когда Эрик родился, его мать была поражена, она постепенно узнавала о многочисленных проблемах его здоровья. Муж отстранился. Социальных служб тогда ещё не было. И она сломалась – она отдала мальчика в больницу, где он прожил 16 лет. Мать пережила страшное потрясение, из-за страха и тревоги она нечасто навещала его.

Когда его привезли к нам, мы не знали, что с ним делать. Здесь и мы, и он открывали, кто такой Эрик. Это было непросто. Для Эрика главным способом коммуникации было прикосновение, только так было возможно установить контакт. Для нас тоже было очень важно прикосновение к нему – это был способ установления контакта.

Вы понимаете, как важно прикасаться к ребенку. Особенно важно материнское прикосновение к телу младенца. Мама носит его на руках, находясь с ним в постоянном контакте.

Мы прикасались к Эрику с нежностью. Нельзя прикасаться к человеку так, словно ты моешь посуду. Тело заключает в себе личность. Прикосновение матери – это духовная реальность. Отношения родителя с ребенком – это возможность сказать ребенку, что он важен. Эрик через наши прикосновения должен был понять, что он важен и ценен для нас.

В основании педагогики «Ковчега» существует принцип: «Бог радуется, что ты живешь, и я рад тому, что живу с тобой!»

Эрик научил меня нежности, научил тому, как прикасаться к телу человека с деликатностью. Постепенно это приводит к любви, учит любить такого, как Эрик.

Мы служили Эрику: кормили, одевали, но самое главное, мы учились принимать его с его хрупкостью и тревожностью. С такими, как Эрик, очень трудно. Порой он бывал в очень тяжелом состоянии, по-человечески вынести это совсем непросто, но надо верить, что и этот человек важен.

Эрик, когда его купали, очень радовался. Таким образом он получал нежность. Мы кормили его, пели и молились. Часто он просто спал рядом с нами или у кого-то на коленях – это было для него важно, он получал нежность и утешение. Спал ли он или что-то

переживал при этом – это тайна. В детстве мама не прикасалась к нему, поэтому для него было особенно значимо, что он важен и ценен. Для нас он также был очень важен.

Эрик был трудным и для наших врачей. Его физиологические особенности были таковы, что грудная клетка давила на органы дыхания и он задыхался, поэтому 24 часа в сутки должно было быть открыто окно. Потребовались годы, чтобы он стал спокойнее. В конце его жизни произошла вещь, которую мы до конца так и не поняли, – он успокоился.

Он научил меня нежности. Обычно в общении с людьми мы пытаемся найти слова, которые они смогут понять. С обычным человеком нужна дистанция, которая позволит родиться слову. С Эриком, Луиком и другими хрупкими людьми не нужна дистанция, а необходимо присутствие, нежность как способ слушания Другого.

Сила и качество присутствия. Присутствие, направленное на человека. Нужно находиться в ощущении – я здесь для тебя! Я рад, что нахожусь с тобой! Важна радость. Ребёнок открывает для себя любовь матери через её радость. Умственно отстающие люди, которые были отвергаемы, пережили столько унижения, потому что никто не хотел, чтобы они были такими, какие они есть. Никто не хотел быть с ними – такими. Они учат нас любви, как ребенок учит маму. Мама реагирует на его крик, берет его на руки, любит таким, какой он есть.

Роль «Ковчега» состоит в том, чтобы нам – ассистентам – стать другими. Речь идет об отношениях доверия, дружбы. Стать другом – это значит вместе смеяться и вместе плакать. Что касается Эрика, то это было исцелением и для него, и для меня.

Сила в слабости

Мой знакомый врач был приглашён лечить в тюрьме в Америке одного мафиози, умирающего от рака дыхательных путей. В детстве его много унижали. Каждому ребёнку необходима нежность. Если взрослый человек совершает насилие, значит, в детстве он испытал насилие над собой. Поэтому, становясь взрослым, защищает себя, он боится, что его разрушат. Может быть, потому что человеку очень нужна нежность и ее неоткуда получить, он впадает в ярость. Человеку важно не только получать, но и проявлять нежность.

Мой друг как врач встретился с человеком, который постепенно учился становиться слабым. Он прикасался к нему с большой нежностью. Между ними возникло настоящее общение, они стали друзьями. Сила для этого мужчины была ложной сущностью, а слабость – истинной. Важно, когда возникает глубокое доверие одного человека к другому.

Мы все нуждаемся в утешении!

Я хочу рассказать ещё об одном мальчике. Его зовут Френсис. Когда ему было 11 лет и он готовился к своему первому причастию, его мать пригласила гостей по этому поводу. Её брат, пришедший в гости, сказал: «Жаль, что из такой прекрасной службы Френсис ничего не понял!» Женищина очень огорчилась, а сын утешал ее словами: «Не беспокойся, мамочка, Господь такой же, как я, и я должен быть таким». Кто научил его этому?

Мы очень хотим быть сильными, быстрыми, эффективными, а Господь говорит, что это не тот путь, что истинный путь – это смирение и слабость.

Из истории вопроса

Международное движение «Вера и Свет» объединяет умственно-отсталых людей, их семьи и друзей в небольшие группы (общины). Движение зародилось во Франции в 1972 году, распространилось более чем в 75 странах мира. Основатели движения – Мари-Элен Матье и Жан Ванье.

Каждая группа встречается раз в 2–3 недели. Люди общаются, играют, поют, готовят и показывают спектакли, проводят время так, чтобы интересно было каждому. Между встречами члены общины ходят друг к другу в гости. Иногда группы выезжают в летние и зимние лагеря. Среди друзей и семей «Веры и Света» есть и верующие, и нецерковные люди. В России нет общин «Ковчег» для постоянного проживания, но общины «Вера и Свет» существуют в нескольких городах.

Вторая моя поездка на ретрит в Троли. Удивительное, неопишное состояние пронизывающего счастья. Вошли в знакомый милый дом, сгрудили едва не на пороге чемоданы, и напрямиком – в столовую. Московская, подольская, минская, тбилисская группы уже в сборе, ждут только нас. Как же здесь... ХО-РО-ШО! Внутри всё ликует! Люди, наверняка замечательные, но сейчас это не важно, потому что я чувствую, как растворяюсь в объятиях этого места. И вдруг! Среди всего этого мирного и несуетного пространства – громкий, пронзительно громкий крик! Опять! Ещё! Не поворачивая головы, боковым зрением, скорее, не вижу, а как-то воспринимаю, что среди нас есть кто-то, ради кого мы здесь! Юноша с особым восприятием, развитием, мышлением, движением, общением, бытием. Какое счастье, что он здесь! Конечно, я тогда не знала ничего об этом парне, но он одним своим тревожным криком, проверяющим новичков на настоящесть, перекинул стратегически важный мост между нами. В голове вихрем пронеслись все предвзятые мысли про «Веру и Свет», снобистское недоверие вмиг слетело, а на сущем месте стало прорастать безусловное уважение к этим людям.

Планируя эту поездку, я узнала, что группа в Троли соберется почти целиком веросветовская, за исключением разве что, извечно самобытной петербургской

составляющей, среди которой не было ни одного представителя «Веры и Света». Я не слишком обрадовалась такой перспективе. Об этом движении кое-что знала, идею поддерживала, но в ее жизнеспособность на российской территории не сильно верила. Так уж получилось. Но именно тогда, в то самое мгновение, когда услышала крик парня, которого одна московская группа привезла с собой, во мне произошла трансформация устоявшегося мнения. Этот крик стал призывным, а обаяние интеллигентности его сообщинников вызвало щемящее чувство: «я тоже хочу быть с ними». Люди, готовые чудесную возможность погулять по майскому Парижу, плодотворно и несуетно провести время ретрита, променяли на такую мороку! И надо сказать сделали это легко, даже изящно. Они меняли друг друга, пребывая со своим особым другом постоянно и так неприметно, словно монтировщики в блистательном спектакле главного театра страны.

Слово Жана Ванье²

Быть честным: честно думать и честно говорить.

*Люсьен – тяжелобольной, все мускулы напряжены. 30 лет он прожил с чудесной матерью, но она заболела, и его поместили в больницу. У Люсьена была тревога разлуки. Он жил в общении и любви, а когда это было разорвано и он оказался в больнице, он стал кричать. Он орал всегда! Мы поселили его в том же доме, где жил Эрик. Он мог кричать два часа подряд на одной высокой ноте. Его крик и тревога вызывали мою собственную тревогу и крик. Мне хотелось его оттолкнуть, совершить грубое действие. Я не переносил всего этого. Другие, более молодые ассистенты, справлялись с этим лучше. Я понял, что его тревога – это **моя** пробужденная тревога. Врач посоветовал давать Люсьену успокоительные таблетки, причем не столько ради него, а ради нас. Но есть ситуации, которые таблетками не решить. Что пробуждалось во мне?*

В одной газете я прочитал, что человек убил своего особенного ребенка. Я ужаснулся, но осознал, что понимаю этого человека. В семье, где никто не помогает, все очень непросто.

Мы учимся понимать себя, своё сердце, когда живем вместе с такими людьми.

Личная встреча с Иисусом

Ключевое слово для Евангелия – «встреча». Встретить Иисуса, встретить бедного, встретить другого, встретиться друг с другом. Встретить, значит – быть рядом, провести время вместе. Мы хотим убежать от страдания. Мы не хотим страдания ни для

² Перевод с французского на русский язык: д. филос. н. Михайлова М. В., к. ф. н. Гуревич О. А.

себя, ни для других. Мы хотим убрать страдание из нашей жизни. Мы родились для того, чтобы жить, и для того, чтобы умереть. Путь у всех разный.

Иисус начинает постепенно объяснять Свой приход. Он хочет войти в личные отношения с каждым. Почему для нас важна встреча со Христом в молитве? Мы просим о чем-то: быть полезными, сделать добро, а побыть со Христом, вступить с Ним в личные отношения нам некогда.

3-я глава Апокалипсиса: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» [Откр: 3; 20]. Господь стучится в «двери сердца», и если кто-то «слышит и открывает», то Он входит, чтобы ужинать, то есть – стать Другом. Все мы призваны услышать этот стук, этот тихий внутренний голос. А бывает, я слышу, но не хочу открыть дверь. Он предлагает, а не заставляет, Он уважает то, что мы делаем. Он указывает нам путь мира и общения. Он посылает нам бедных, чтобы они были вестниками.

Господь приглашает всех, а у всех – дела. Его это ранит. Все мы призваны к высоким брачным отношениям, а мы не идем. Тогда Он зовет бедных и отверженных. У них нет желания господствовать в обществе. Они свободны, им делать нечего. Как важно дать Ему время в нашей жизни и провести с Ним это время! Мы тоже призваны утешать Бога. Иисус тоже нуждается в утешении.

Получив чудо, ты не меняешься. А чтобы стать другом Христу, необходимо измениться самому. Иисус требует от нас переходить границы.

Расширение границ

Родители детей, пожелавших стать волонтерами в «Ковчеге», приехали поговорить со мной, они считали, что их дети, получившие хорошее образование, не должны посвящать свою жизнь «таким людям». А ведь эти родители были хорошими (примерными) христианами. Нам трудно принять всерьез Евангелие.

Преодолеть «нормализацию», делать не то, что говорит моя группа, а слушать то, что говорит Господь. Те, кто работает в общинах для бездомных, для умственно отсталых, для других социально исключённых людей, делают это по велению совести.

Франциск Ассизский всегда нарушал то, что было нормальным. Он говорил, что к мусульманам можно ходить, чтобы служить им, а не проповедовать. Важнее всего служить людям, не показывая, что я лучше тебя.

Есть люди, которые нас раздражают, которых раздражаем мы. Мы живем в большой человеческой семье. Нам необходимо приблизиться к тайне общения. Без сомнения – Бог любит тех, кто нас раздражает ничуть не меньше, чем нас самих.

Чтобы научиться любить тех, кто нам неприятен, нам нужны теплые маленькие очаги, в которых мы можем отогреться и научиться принимать тех, кто на нас не похож.

Боль

Когда мы испытываем собственные страдания, Господь приходит не для того, чтобы изменить реальность, а чтобы плакать вместе.

Однажды одна женщина увидела, как в парке умирал от передозировки молодой наркоман, его последние слова были обращены к матери: «Ты всегда хотела меня изменить и никогда не хотела со мной встретиться».

Как важно быть в состоянии слушания. Очень быстро мы впадаем в состояние стремления сделать много хороших вещей, вступить в дискуссию, а важно – послушать себя. Иногда мы через гиперактивность, гипердеятельность, многословие убегаем от чего-то. Нам бывает трудно по-настоящему слушать других. Что мешает нам сохранять молчание?

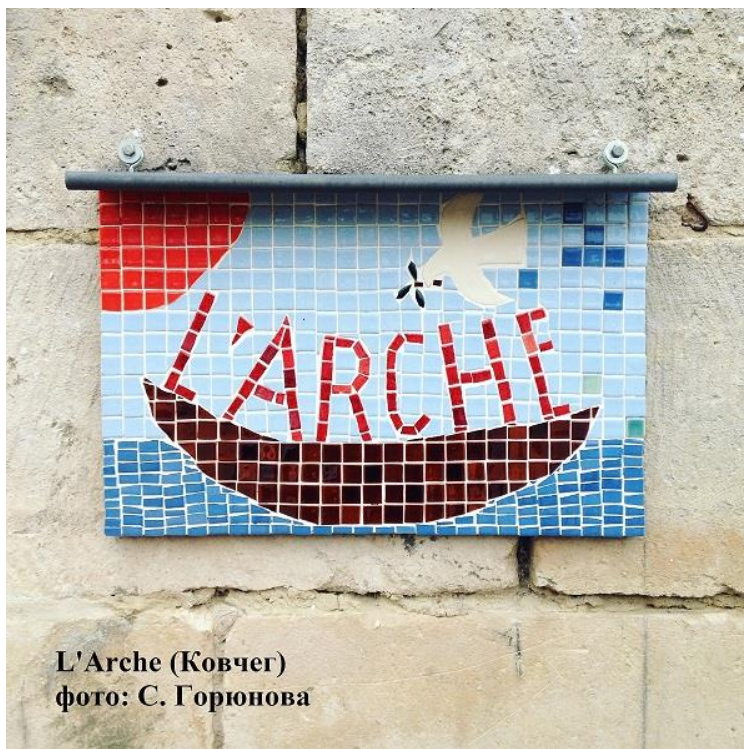
Ещё одно важное открытие

В каждом из нас есть страх, тревога. Это проявляется в желании власти, в стремлении доказывать и демонстрировать, что я что-то знаю лучше. Нам нужно, чтобы признавали нашу хорошесть.

Что мы по-настоящему ищем? Чего страстно желаем в глубине своего сердца? В жизни бывают радости, например, хорошая оценка на экзамене, но это не решает наших самых глубоких вопросов. Мы боимся верить, боимся, что нас унижат, что нам не достанется первое место, боимся своей слабости. Мы родились и умираем в слабости, слабость и немощь возможны и в течение жизни. Отсюда страх перед людьми, которые находятся в состоянии телесной слабости. Мы отказываемся принимать слабость человека, что позволяет нам забыть о своей слабости, спрятать свой страх.

Встреча – это доверие, это право и желание поведать другому о своей боли. В личной встрече каждый открывает для себя что-то очень важное и очень личное. Волшебные слова: «Ты мне нужен! Я не всемогущ, у меня есть слабости, но есть и дары!»

*Я не лучше другого, и другой не лучше меня. **Нужно научиться принимать слабость другого, чтобы принять и свою слабость.***

18 мая 2015 года Жану Ванье (Jean Vanier) – основателю международной гуманитарной организации «Ковчег» («L'Arche») для умственно отсталых людей была вручена престижная международная премия Темплтона. Церемония проходила в Букингемском дворце в Лондоне.

Лауреатами Темплтоновской премии становятся ученые, философы, писатели, общественные и религиозные деятели, которые, по мнению жюри премии, имеют «особые заслуги в укреплении духа перед лицом нравственного кризиса в мире».

В денежном выражении премия является крупнейшей в мире, вручаемой одному человеку. Ее размер составляет 1,1 млн фунтов стерлингов.

Премия была учреждена в 1972 году и вручается Фондом Темплтона – благотворительной организацией, основанной американским и английским предпринимателем и филантропом сэром Джоном Марксом Темплтоном (1912–2008). Престижная награда высоко котируется во всем мире, наряду с Нобелевской премией.

В 1983 году, Темплтоновской премии был удостоен наш соотечественник – Александр Исаевич Солженицын.

Семьям, в которых растут дети-инвалиды, очень нужна помощь. По мере того, как дети подрастают, помощи требуется всё больше и больше, потому что ухаживать родителям за своими детьми с каждым годом становится все сложнее по вполне понятным причинам. Осознание, что уход родителей означает для ребёнка – помещение в интернат, где не будет

не только привычной домашней обстановки, родных и близких, там он будет лишён близких ОТНОШЕНИЙ. Больше всего людям, живущим с ограничениями здоровья, и их семьям нужна всё-таки простая человеческая поддержка: участие, признание их ценности, в общем – дружба. Самые простые вещи в жизни по сути самые важные и ценные. *Положить душу свою за други своя* – вовсе не обязательно совершить подвиг, рискуя жизнью, иногда это просто – быть рядом, когда ДРУГОМУ это необходимо, быть с тем, кто страдает, быть тут.

В своих книгах и выступлениях Жан Ванье, защитивший в своё время докторскую диссертацию по работам Аристотеля, обращает внимание на то, что «...аристотелевское представление о дружбе – взаимообмен между равными. ...Если ты становишься другом кому-то, кто отвержен, то совершаешь работу единения. Ты собираешь людей вместе»³. При этом он всегда подчёркивает, что процесс взаимно обогащающий.

В 1963 году Жан Ванье начал жить с двумя людьми, которые не были похожими на тех, с кем он привык общаться. Сегодня по всему миру насчитывается более 130 ковчегов, в которых вместе живут самые разные люди. Здоровые мужчины и женщины, совсем молодые и уже взрослые опытные ассистенты пребывают «на равных» с людьми хрупкими и беспомощными. Ассистенты получают эмоциональную поддержку, общаясь с теми, кто, пережив сильнейшую эмоциональную депривацию, молчаливо и незаметно или открыто и демонстративно, оказывается способным к эмпатии. Очень важный опыт получают все – опыт нежности, терпения и любви. А ещё – надежды! В уставе «Ковчега» говорится: «Община сознает, что не может принять, всех умственно отсталых. Она старается предложить не решение проблемы, а знак того, что общество, стремящееся быть действительно человеческим, должно основываться на принятии слабых и униженных»⁴. Созданный Жаном Ванье «Ковчег» подаёт людям *знак надежды*.

³ Ванье Ж., Хауэрвас С. Жить мирно посреди насилия: пророческое свидетельство слабости / Пер. с англ. А. Черняка. – К.-М., 2015

⁴ Там же, стр. 55